

Мессианская антропология

Б.В. Марков

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье обсуждается манифест Московской антропологической школы о приоритете галлюцинаций в процессе антропогенеза. Тревожная ситуация, в которой оказалось современное человечество, заставляет ждать чего-то подлинного и крепкого, но такова природа философии: она не всегда позитивно оценивает «дух времени». Ее задача – поиски автопоззиса, наблюдение общества за самим собой, за недостатками, мешающими его развитию. С этой точки зрения галлюцинаторная теория Ф.И. Гиренка вполне оправдана и актуальна. История цивилизации обычно представлена как история открытий и побед разума над неразумным. История страхов и заблуждений, которые не только не остались в прошлом, но почему-то снова возвращаются, освещена намного хуже. Поэтому программа Московской антропологической школы далеко не маргинальна, а наоборот, актуальна. Она развивает традицию инверсионной антропологии, которую заложил еще первый русский критик дарвинизма Н.Я. Данилевский. Развитием этой антропологической традиции в частности стала концепция Б.Ф. Поршнева, а также исследования таких современных авторов, как Ю.М. Бородай и В.А. Подорога, при этом каждый по-своему, внесли вклад в критику эволюционизма и редуccionизма. Концепция Ф.И. Гиренка напоминает шизоанализ, но без влияния марксизма, как у Ж. Делеза. Все это дает повод для обстоятельного философского обсуждения манифеста. Между тем доклады и дискуссии относительно теории Ф.И. Гиренка показали, что не все участники смело готовы вступить на путь, указанный юбиляром, и ограничились экскурсами в теологию. Это, по заключению автора статьи, само по себе указывает на то, что галлюцинаторная и мессианская антропологии дополняют друг друга.

Ключевые слова: человек, бог, мессия, антропогенез, цивилизационный процесс, геополитика, философская антропология.

Марков Борис Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философской антропологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

b.markov@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3755-6742>

Для цитирования: *Марков Б.В. Мессианская антропология // Философские науки. 2023. Т. 66. № 2. С. 26–47.*

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-2-26-47

Messianic Anthropology

B. V. Markov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract

The article explores the manifesto of the Moscow Anthropological School, emphasizing the primacy of hallucinations in anthropogenesis. The current predicament of modern humanity urges the anticipation of something genuine and substantial. However, the essence of philosophy does not always align with the prevailing “spirit of the times.” Its mission is to pursue autopoiesis, scrutinizing society for its inherent flaws that impede progress. From this viewpoint, F.I. Girenok’s hallucinatory theory is entirely pertinent and justified. The narrative of civilization is typically portrayed as a chronicle of discoveries and triumphs of rationality over irrationality. The history of fears and misconceptions, which not only persist from the past but also resurface, is less well-documented. Therefore, the program of the Moscow Anthropological School is far from being peripheral; on the contrary, it holds significant relevance. It furthers the tradition of inversion anthropology, initially established by N.Ya. Danilevsky, the first Russian critic of Darwinism. This anthropological tradition was particularly advanced by the concept of B.F. Porshnev and the research of contemporary authors like Yu.M. Boroday and V.A. Podoroga. Each, in their unique way, contributed to the critique of evolutionism and reductionism. F.I. Girenok’s concept evokes schizoanalysis, albeit devoid of Marxist influence, unlike G. Deleuze. All these aspects warrant a comprehensive philosophical discourse on the manifesto. Meanwhile, reports and discussions concerning F.I. Girenok’s theory revealed that not all participants are readily prepared to tread the path suggested by the founder of this theory, confining themselves to theological explorations in-

stead. This, as per the author of the article, inherently signifies that hallucinatory and messianic anthropologies are complementary to each other.

Keywords: human, god, messiah, anthropogenesis, civilizational process, geopolitics, philosophical anthropology.

Boris V. Markov – D.Sc. in Philosophy, Professor of the Department of Philosophical Anthropology, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University.

b.markov@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3755-6742>

For citation: Markov B.V. (2023) Messianic Anthropology. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 2, pp. 26–47. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-2-26-47

Введение

В основе проекта мессиянской антропологии, обсуждаемого в настоящей статье, лежит вера в пришествие Спасителя, который, в конце концов, каждому воздаст по заслугам и установит справедливый порядок. Православные христиане ждут второго пришествия Христа, а западные – Апокалипсиса. Поскольку в процессе секуляризации место Бога занял человек, в антропологии сохранилась та же самая двойственность, что и в теологии. Французские просветители считали, что человек добр и разумен, а Кант признавал мировое зло, хотя и надеялся, что, благодаря разумности, люди и народы смогут договариваться и жить в мире. Иммунную функцию таких галлюцинаций, как вера в совершенство Бога или человека, понимали многие политики. В философии ее обстоятельно раскрыл Ф. Ницше. В заметках «Европейский нигилизм» он предвещал победу нигилизма, которая обусловлена утратой веры в Бога. Хотя его существование недоказуемо, мессиянские надежды помогают людям вынести тяготы жизни [Ницше 2005, 47]. Понимая это, Ницше критиковал христианство и одновременно писал «пятое евангелие» под названием «Так говорил Заратустра». Любимое сочинение Ницше не было воспринято читающей публикой, для которой дискурсы науки и религии были несовместимы. Тем не менее реформа христианства стояла на повестке дня. На Западе было создано множество

вариантов протестантской теологии, соответствующих реалиям XX века. В России Ф.И. Достоевский, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой и другие предложили свои версии модернизации христианства. На место мессии был поставлен деятельный человек, озабоченный переустройством мира. Марксисты и социалисты также изобрели своего мессию и ожидали победы рабочего класса, который избавит себя и все человечество от отчуждения.

В отличие от немцев, взявших на вооружение ницшеанский концепт сверхчеловека, российские философы больше ценили не индивида, а народ. Мессией человечества является русский народ-богоносец. Когда стало ясно, что этот тезис переходит в национализм, Трубецкой вместо «мессианизма» предложил использовать понятие «миссианизм» [Трубецкой 1995, 309]. Наши мыслители утверждали, что русский народ будет служить другим людям. Остается открытым вопрос о том, каков образ мессии у православных и иудеев. Отличие заключается в следующем: у одних он выступает как царь иудейский, устанавливающий материальные, политические условия жизни, а у других – только духовные.

После крушения больших империй и освобождения угнетенных народов, когда рабочие развитых стран, по сути, превратились в средний класс, озабоченный частной жизнью, а не большой политикой, кажется, что фантазм мессии ушел со сцены истории. Люди уже не озабочены большими планами и не ждут помощи сверху. Но в действительности мессиянское время возвращается в эпоху перемен и экстремальных исторических периодов. Современное человечество после относительно спокойного и по своему счастливого времени мультикультурализма и толерантности снова вступило в эпоху чрезвычайных ситуаций, когда востребованными оказываются старые метафоры, мифы и архетипы, унаследованные от предков, живших в более суровых условиях.

Секуляризация – это не одноактное событие, а длительный процесс, который еще не остановился. Просвещение на место Бога поставило человека. Однако сначала революционные потрясения, а затем кризисы капитализма породили серьезные сомнения относительно человеческой природы. После неудачных попыток мирного сосуществования людей на базе мультикультурализма

началась постчеловеческая эпоха. Гуманность и человечность стали искать по ту сторону человека [Ростова 2020, 731–733]. В частности, «добрые европейцы» объявлены колонизаторами, а субъектами гармоничного, безотходного экологического мира – леса и животные [Кон 2018, 334]. Судя по морфологии сказки, описанной Проппом, Спаситель – дохристианский персонаж, который приходит на помощь в кризисной ситуации [Пропп 2021, 256]. Поэтому архетип Мессии-спасителя в самой экзотической форме живет в нашем подсознании и становится основой поступков и действий в условиях чрезвычайной ситуации.

Исследования мессианского времени в теологии и философии

Сегодня по аналогии с политической теологией К. Шмитта можно говорить о мессианской антропологии, следы теологии в которой очевидны. Сначала человек, как доказывал Л.А. Фейербах, занял место Бога, а затем философией Ницше был низвергнут и сам человек. У профессоров кафедры антропологии исчез предмет. Началась эпоха антропологии после смерти человека. Это было даже удобно. В «Легенде о Великом инквизиторе» Достоевский доказал, что второе пришествие Христа поставило бы руководство Церкви в неудобное положение. Аналогично и в антропологии, в которой представление о совершенстве человека только запутывало суть и прикрывало абсурд созданного им мира. Существование тех или иных дисциплин даже после того, как они утратили свой предмет, кажется неправомерным. Все уже привыкли к тому, что философия и теология говорят о чем-то таком, на что нельзя указать пальцем, но утрата «материи» в физике и последовавшая череда «обвалов» в гуманитарных и естественных науках, вплоть до «смерти человека», поражает воображение. Анализ таких «постнеклассических» революций обнаруживает, что они затрагивают не только объективную, но и субъективную реальность, т.е. смысл, который человек вложил в описание происходящих событий. Феноменологический состав наших знаний о мире так или иначе заставляет исследователя обратиться к проблеме воображаемого, галлюцинационного. Прежде всего мистическое, как бы от него не дистанцировались по мере

развития рационального знания, неотделимо от человеческого сознания. Проблема такого опыта состоит в его нетранзитивности. Хотя человек переживает состояние своего сознания непосредственно, он не может передать его другому. Язык не приспособлен для выражения непосредственного уникального и невыразимого опыта. Поскольку не существует ни методов, ни критериев для его оценки и проверки, постольку он остается на обочине теории познания. И это относится к высшему эзотерическому постижению не только высоких или глубоких истин, но и самых простых жизненных актов.

Философы тоже обладают экзистенциальным опытом, но затрудняются доказать существование внешнего мира и даже самих себя. Известное утверждение Декарта – «мыслю, следовательно, существую» – не является логическим доказательством. Оно выражает экзистенциальный опыт включенности человека в мир. В отличие от рефлексии, предполагающей различие между субъектом и объектом, данный опыт является конъюнктивным. Примером могут служить такие акты, как дыхание, питание, движение и т.п. При этом нет субъекта-наблюдателя, человек является не зрителем, а участником. Можно ли утверждать, что он является субъектом-господином, если ест, пьет, занимается любовью или спит? Хотя он поглощает еду, но становится очевидным, что именно она захватывает его. Подобным образом и мы втянуты в мир, в котором существуем. Загадку представляет собой не существование, а способность рефлексии, отстраненность, возможность посмотреть на себя со стороны.

Различие рефлексивно-аналитического и галлюцинаторно-практического освоения мира отчетливо проявляется при сравнении европейской и восточной культур. Последняя развивает искусную психотехнику, предназначенную для управления желаниями. Наоборот, западный человек развивает другую технику, направленную на производство предметов, удовлетворяющих желания. Это – культура средств, а не целей. Они, конечно, тоже присутствуют, но вопрос об их целесообразности ставит разве что философия. Западный человек – прежде всего авантюрист, и его фаустовский дух – главный капитал европейской культуры. Наоборот, в восточных религиях и у

христианских исихастов разработаны разнообразные способы отстранения от мыслей, которые витают вокруг земных дел. Похоть, зависть, злоба – именно эти плохие желания и чувства рождают дурные мысли. Прямая борьба не усмиряет, а наоборот, часто их обостряет. Поэтому первый шаг освобождения – дистанцирование, сомнение, анализ мотивов, задающих неправильное направление мысли.

Философская антропология зародилась в рамках протестантской теологии XVI–XVII веков. Ее основные темы – творение человека по образу и подобию Бога, история об Адаме и Еве, грехопадение. Кроме того, особое внимание уделялось природе Христа, Троице, второму пришествию. У католиков было интенсифицировано учение об аде, рае и чистилище, о непогрешимости папы. Особый пункт – борьба с евреями, отрицавшими божественную природу Христа. Это действительно была серьезная угроза, разрушавшая Церковь как коммуникационную систему. Если Христос не является подлинным посланником Бога, то рушится истинность Послания. Христианский Бог трансцендентен, он отправляет с Посланием своего Сына, который передает его своим ученикам. В каком-то смысле Он сам является Словом Бога. Отличие посланника от автора состоит в том, что он может только передавать, а не сочинять текст. Как посол, он не может его интерпретировать. Поскольку у него нет верительной грамоты, для доказательства подлинности приходится время от времени совершать чудеса или рассказывать темные притчи, которые расшифровывали апостолы и затем Святые Отцы. Христос ссылался на Иоанна, который крестил еще до его появления, предвещали его приход и Пророки. Однако Иоанн тоже ссылается на Христа. Поскольку один ссылается на другого, возникает круг в обосновании. А Пророки – это персонажи иудейской Торы, в которой отсутствует признание Христа Мессией.

Если существование Бога недоказуемо, то Христос – реальная историческая личность. Проблема заключается в доказательстве его божественной природы. Для этого были использованы языческие аргументы, в частности такие чудеса, например, как превращение воды в вино и воскрешение умершего. Но рассказами о чудесах история не ограничивается. Много усилий потрачено

на создание символических, визуальных, акустических и иных медиумов, вплоть до причастия. О природе Христа велись споры между монофелитами и монофизитами. Сегодня содержание этих старых дискуссий известно немногим. Философы эпохи Возрождения и Просвещения превратили творение Бога в *homo sapiens*, поставили его целью развития природы и поручили ему принимать рациональные решения. Однако революция обнаружила негативные константы такой антропологии. В частности, в России зародился интерес к гностикам, которые считали мир творением злого демиурга. Мессианская антропология превратилась в учение о подлинном христианстве до Христа.

В западном христианстве, наоборот, дискутировали о свободе человека. Основы учения о предопределении были заложены Бл. Августином, который отрицал свободу воли у падшего человека и настаивал на его склонности к греху. Спасутся немногие избранные, кого коснется благодать. Это учение было подхвачено томизмом, а в протестантизме нашло радикальное выражение у Ж. Кальвина: Бог предвечно предопределил одних к спасению, других к гибели. Учение Кальвина было осуждено, но проблема предопределения осталась.

Трансцендентность Бога означает, что мир является пассивным объектом его фантазии. Однако Бог – это причина мира, запускающая мировой процесс. Почему же принимается внебожественность мира и внемирность Бога? Для решения этих проблем в российской религиозной философии использовано гностическое учение, согласно которому мир – это тварная София, полнота божественных идей-сил, которые реализуются в акте творения. Бог в себе и Бог как Творец – логически несовместимые образы. Взаимодействие Бога и мира реализуется в соединении божественной и человеческой природы в Христе и Церкви. Сотворив мир, Бог сохранил заботу о нем. Эта совместная жизнь Бога и мира отражена в учении о боговоплощении. Онтологически каждый человек принадлежит вечности Божией, но в своем природном бытии человек получает себя как данность, которой он свободно обладает. Можно ли утверждать, что человек получает себя в собственность? Как продукт природы или творение Бога, он не

Филос. науки / Russ. J. Philos. Sci. 2023. 66(2) Философская антропология. Новые...
принадлежит себе. Если люди не соглашаются со своей судьбой, то их земное существование теряет смысл.

Христос и Павел

Пророк, Мессия, Грядущий судия, Учитель морали, Чудотворец – таков неполный список образов Христа, который можно умножить на основе изучения истории христианства. Ницше писал: «В странный нездоровый мир вводят нас Евангелия – мир как в русском романе, где, будто сговорившись, встречаются отбросы общества, неврозы и “наивно-ребяческое” идиотство» [Ницше 1989, 39]. Сходство ницшевского «Антихристианина» с «Легендой» Достоевского проявляется прежде всего в трактовке Инквизитора и апостола Павла: «Павел понял, что нужна ложь... Позднее церковь поняла Павла» [Ницше 1989, 59]. Ницше представлял Христа то как ребенка, задержавшегося в развитии, то как «вольнодумца», который признает лишь внутреннюю жизнь, а внешнюю считает ее знаком. В любом случае он стремился снять дистанцию между Богом и человеком, восстановить первоначальную близость, характерную для Яхве и Адама. Позитивным опытом христианской религии Ницше считал блаженство такого интимного общения. Пребывая под властью фантазма единства Отца и Сына, христианин прощает врага, не знает мести и не ходит в суды. «Жизнь искупителя и была *лишь* таким практическим поведением... ему не нужны были формулы и ритуалы общения с богом – не нужно было даже молиться. С иудейским учением о покаянии и примирении он свел счеты – ему известно, что лишь благодаря *практическому*, жизненному поведению можно чувствовать себя “божественным”, “блаженным”, “евангельским” – во всякую минуту ощущать себя “сыном божьим”» [Ницше 1989, 51]. Психологическая убедительность образа Христа базируется на том, что его отношения с Богом лишены формальности, они понимают друг друга без слов. «Сын человеческий» – это не конкретная личность, а психологический символ.

Нарисованный Ницше «психологический тип» достаточно точно отражает специфику людей, ищущих прибежища в религии. Он упрекал христианскую религию в культивировании ресентимента. В «Человеческом» религия расценивается как «опиум для народа»,

наркотизирующий человеческие бедствия. Начало наступления на религию у Ницше вполне соответствует духу просвещенного атеизма: «Как хорошо было бы, если бы ложные утверждения священнослужителей... можно было заменить истинами, которые были бы столь же целебны, успокоительны и утешительны, как подобные заблуждения! Но таких истин не существует» [Ницше 1996, 299]. Проблема состоит в том, что человечество по мере прогресса, как ни странно, нуждается именно в утешении, поскольку становится все более изнеженным, раздражительным и все более чувствительным к страданию.

Христианство – это не просто ложная доктрина, а ложная психология. Поэтому аргументация против религии в «Человеческом» опирается как на научно-объективную, так и на субъективно-психологическую критику. Взор верующего обращен на ужас конечности бытия, и он вынужден находить в нем особое сладострастие. Религия, по Ницше, – это смесь сладострастия и жестокости. Настоящий Мессия в изображении Ницше – это не мизантроп, а посланник радостной вести. Исказителем христианства был апостол Павел. Ницше писал: «За вестью радостной следовала по пятам наихудшая из всех: весть апостола Павла. В апостоле Павле воплощается тип, противоположный радостному вестнику, гений ненависти... Именно апостол Павел “изобрел” смысл вины: он так “истолковал” смерть Христа, будто Христос умер за наши грехи» [Ницше 1989, 42]. Христианство победило благодаря воле к власти людей, которые культивировали чувство греховности и использовали его в своих интересах.

Является совесть продуктом галлюцинации, интернализации внешнего принуждения или чем-то принципиально другим? Как можно использовать для целей власти нарциссическую потребность в саморефлексии и даже самонаказании? Христианство определяет страдание как вину. Хотя такое чувство должно тормозить желания, тем не менее оно нуждается в них. Фрейд это понимал как либидинальную привязанность к запрету, цель которого – воспрепятствовать удовлетворению. Получается, что вытеснение поддерживается либидо, которое должно быть вытеснено. То обстоятельство, что либидо становится инструментом собственного подавления, у Фрейда описано как работа бессознательного. Моральный запрет порождается телесной спонтанно-

стью, которую он стремится обуздать. У Ницше речь не идет о переносе или переводе внешнего принуждения во внутреннее. Наоборот, социальные институты обусловлены внутренними мотивами. Не душа является изнанкой общества, а общество – изнанка души. Это и дает повод для признания галлюцинации в качестве антропологической константы.

Способность желания присуща человеку от рождения и, конечно, не только подавляется, но и используется культурой. По форме и содержанию она формируется на уровне тесных межличностных связей, которые характеризуют отношения матери и ребенка, а также другие близкие взаимодействия людей в рамках родственной коммуны. Человеческое существо испытывает любовь или ненависть, и открытие Фрейда состоит в раскрытии механизма первичных душевных реакций ребенка. Он преувеличил их роль, и это особенно ощущается в абсолютизации эдипова комплекса. После Фрейда остается дилемма: с одной стороны, психические переживания формируются на докультурном уровне, с другой – они переносятся в общество и используются для стимуляции социальной активности.

Фрейдовский подход с его ориентацией на регрессию, позволяющий выявлять в культурных феноменах следы архаичных желаний, служит продолжением попыток разоблачения сознания, начатых К. Марксом и Ф. Ницше. Теориям высших ценностей они противопоставили «генеалогический» и «социологический» методы редукции сознания к фундаментальным практикам труда и власти. Ницше разоблачал мораль как способ выживания слабых и завистливых людей, Фрейд видел в ней ограничитель инстинктов, которые не способствуют отбору наиболее приспособленных, а наоборот, угрожают их существованию. Чтобы люди не истребили друг друга в конкурентной борьбе, необходимо культивирование чувства виновности, которое делает индивида несчастным и неудовлетворенным. Это противоречие основных инстинктов переходит на высших фазах развития в другие конфликты, которые, в частности, и задают динамику культуры.

Цивилизация и галлюцинация

Поскольку человеческое сознание – это способность воображения, оно руководствуется собственными концептами, которые

являются продуктами творческой интуиции, а не рефлексии. Из этого проистекает необходимость различения мира как такового и его образа в сознании людей. Поскольку отрицание существования внешнего мира экзистенциально несостоятельно, приходится искать посредника между человеком и природой. На роль медиума выдвигали культуру и цивилизацию, науку и технику, а также социально-экономические предпосылки. Убедительны, кроме марксизма, теория эволюции и антропогенеза, различные концепции исторического развития и социогенеза. В этих проектах медиумом между человеком и природой выступает изобретенная человеком вторая природа – цивилизация. Поскольку сегодня становятся очевидными пороки европейской цивилизации, одновременно возникают сомнения относительно ее творца – человека. Сначала выдвинули тезис о смерти человека, а затем начали искать ответы на вопрос о смысле бытия по ту сторону человека. На смену постгуманизму пришел трансгуманизм [Lavazza, Reichlin 2019, 1]. Не без влияния энвайроменталистов медиумами бытия стали считать леса и животные [Кон 2018, 344].

Трансформация образа человека как медиума бытия в философии в значительной степени напоминает христианскую теологию. Бог как трансцендентное существо недоступен для восприятия человека. Он посылает на Землю с Посланием своего единородного сына Иисуса Христа. Однако не все поверили, что Иисус является настоящим Мессией, поскольку у него не было прямых доказательств. Их не мог предоставить невидимый, не воспринимаемый чувствами Бог. Христос ссылался на Иоанна, пророчествующего о его приходе. Однако сам Иоанн ссылался на Христа. Таким образом, возник круг в обосновании. Поэтому теологи доказывали единородность Бога и Христа. Западные богословы разрабатывали онтологическое доказательство. Восточные отцы сделали акцент на Логосе и тем самым доказывали «неслиянность и нераздельность» Святой Троицы. О подлинности Христа свидетельствует Евангелие, в котором представлена его жизнь, учение и чудеса, совершенные им. Фигура Мессии-спасителя лучше всего представлена Достоевским в романе «Идиот». Князь Мышкин мыслится как самый

близкий друг, как брат, который знает тебя лучше, чем ты сам, и который спасет тебя в любой ситуации.

Цивилизация не является неким первичным метафизическим понятием вроде бытия, ничто, нечто и т.п. Это не атомарное, а, условно говоря, молекулярное понятие, собранное из множества других более простых понятий. Их наборы, в зависимости от каких-то еще более общих установок, концепций, отличаются друг от друга, поскольку сформировалось несколько моделей цивилизации. В одних сделан акцент на науке и просвещении, в других – на воспитании, галантном и учтивом поведении, в-третьих – на технических достижениях и комфорте, в-четвертых – на повседневной частной жизни, организованной в соответствии с человеческими потребностями и желаниями. Сегодня говорят о цивилизованном капитализме, при котором экономика прибыли подчинена нравственным нормам и экологическим требованиям, о цивилизованном государстве, в котором порядок обеспечен позитивным правом, а решения принимают демократическим путем на основе обсуждения мнений представителей народа в ходе парламентских слушаний [Хабермас 2002, 144].

Греки закладывали в понятие цивилизации не только социальные добродетели коренного гражданина полиса, но и мифологемы, религиозные верования, которые они впитывали буквально с молоком матери. Они считались естественными, и поэтому не обсуждали. Конечно, время от времени жизнь изменялась, что приводило общество в состояние перехода. На это обратил внимание Ю.М. Лотман, который считал событиями, вызывающими кризис и культурный взрыв, не столько политические реформации, сколько изменения в бытовом поведении. В связи с этим возникает вопрос о том, что является главным мотором цивилизации: религия, идеология или повседневная жизнь простых людей? Прежде всего необходимо разобраться в отношении религии, суть которой в эпоху Просвещения видели в идеологии. Ее трактовали как теорию обмана, т.е. ложную идеологию. В действительности религия использовала иные, отчасти даже более эффективные технологии объединения людей. Патриарх Кирилл в одном из недавних выступлений обратил внимание на то, что религия

содержит национальную идею, но не является идеологией. Прослеживается в этом несоответствие, но оно устранимо не признанием религии как идеологии, функции которой выполняет теология, а уточнением концепта религиозной идеи. Сегодня ее понимают как некий прообраз понятия, как метафору. В этой связи следует напомнить о визуальной форме идеи у Платона, а также о связи ее с мифологией, которую греческий мыслитель тоже не игнорировал. Первые отцы Церкви работали с Писанием совсем не так, как историки науки, реконструирующие историю мысли. Они пытались истолковывать даже чудеса, которые не только нам, но и греческим мыслителям казались невозможными. Ориген рассматривал чудеса, совершенные Христом, как некие притчи, раскрывающие путь веры.

Если присмотреться к набору понятий, характеризующих современную цивилизацию, можно отметить наличие идеологем эпохи Просвещения. Среди них – наука, техника, позитивное право, частная собственность, свобода, демократия и др. [Юдин 2018, 144]. Религия вынесена в сферу частной жизни, наряду со свободой слова гарантируется свобода вероисповедания. Все это отражено в Конституции РФ, которая состоит как будто из двух частей: одна из них фиксирует законы позитивного права, другая – гарантирует естественные права, в основе которых лежат секуляризированные понятия религии. Например, политический суверенитет определен по аналогии с божественным. Кроме того, в чрезвычайной ситуации допускается диктатура, решения в которой принимают не демократически, а на основе различия между другом и врагом. Подобное наблюдается и на Востоке: фигуры воина и святого связаны неразрывно. Эти реликты позволяют понять инверсию процесса цивилизации. Сегодня очевидным становится то, что универсальные принципы постмодерна – мультикультурализм и толерантность – отбрасывают, если общество перегружено мигрантами, которые начинают жить на чужой территории, как у себя дома. Наиболее яркими примерами критики европоцентристской модели цивилизации могут служить книги Э. Саида [Саид 2016, 10] и Т. Саррачина [Саррачин 2012, 400].

Инверсивная теория антропогенеза

По мнению Ю.М. Бородая, природный человек – мелкое злое существо, наделенное инстинктами самосохранения, питания и размножения. Будучи стадным животным, он стремится получать как можно больше благ и не делится с другими. Если бы не было внутреннего опыта сознания, состоящего в способности переживать события и тем самым затормаживать инстинктивную реакцию, люди уничтожили бы самих себя в борьбе за существование [Гиренок 2010, 247]. По Гиренку, сознание – это галлюцинация одинокого человека. Фантазия не просто аномалия, она позволяет слабому, не завершённому от природы существу выжить в условиях одиночества.

Можно определить соотношение мессианской и галлюциногенной антропологии с учетом различий концепций Бородая и Гиренка. Полагаю, что в первичных человеческих коллективах господствовала не конкуренция, а кооперация. Главный фактор антропосоциогенеза – это забота о детях и воспитание подрастающих поколений. Некоторые авторы считают, что культурная история начинается с насилия, промискуитета, перверсий и ксенофобии. При чтении их работ возникает впечатление, что древним приписывают наши извращения. Другие, наоборот, придерживаются концепции подавления природных инстинктов, но впадают в беспомощный идеализм. Кроме спекулятивных, существуют эмпирические подходы, в которых культурные и технические достижения выводятся из биологических предпосылок. Более перспективным кажется синтез различных программ. Например, судя по описаниям К. Леви-Стросса, древние люди были не фантазерами, верившими в бездоказательные мифы, а по-своему умеренными и организованными существами.

К эффективным культурным техникам формирования человека относятся такие символические институты, как язык, брак, система родства, техники воспитания, возрастные, половые нормы и роли, а также война, труд и все ритуалы формирования и самосохранения группы. Эти порядки образуют богатейший арсенал антропотехники, которая пластифицирует незавершенное природой человекообразное существо и формирует необходимые

для социума качества. Речь идет о буквальном моделировании человека цивилизационными механизмами дисциплины, воспитания и образования.

В свете теоретических трудностей симиальной теории антропогенеза следует выводить становление человека из того, что не является продуктом биологической эволюции. Наоборот, нельзя не обратить внимание на эволюционную незавершенность, недостаточность человека, включая его склонность к галлюцинациям. Такое существо не смогло бы выжить в естественной окружающей среде. Для этого необходимы особая культурная обстановка, место, в котором средства и отношения производства совпадают. Использование твердых орудий в древнекаменную эру привело к уникальной ситуации, когда предсапиенсы освободились от жесткой детерминированности своего тела внешней средой. Это не означало остановку эволюции тела. Наоборот, в новых искусственно созданных условиях оно начинало очеловечиваться и эстетически совершенствоваться, причем в той мере, в какой удавалось обратить созданный инструментарий против воздействия природной среды и направить усилия на создание сферы, внутри которой жизнь становилась более разнообразной и комфортной. Выключение тела не привело к исчезновению адаптивных механизмов отбора, но селекция ведется теперь не природной, а искусственной культурной средой.

Данные палеонтологии обнаруживают интересную особенность *homo sapiens*: в силу эффекта теплицы, у них затормаживается биологический процесс адаптации, что стало возможным благодаря сохранению внутриутробной морфологии во внеутробном состоянии. Физическое и психическое тепло, обеспечиваемое близкими родственниками, выполняет функции защитной системы, которая еще слабо развита у младенцев. Все антропоиды наделены растянутым периодом детства. Это объясняется тем, что риск биологической незавершенности снижается благодаря организации внутренней защиты. Высшие организмы начинают играть по отношению друг к другу роль «окружающей среды». Их успешное развитие вызвано не просто новой экологической нишей, а продуктивной, искусственно созданной культурой, внутри которой и происходит образование все более совершенных

в эстетическом отношении форм. Социал-дарвинисты показали, что для большинства сообществ гуманоидов решающую роль играют неадаптивные внутригрупповые изменения, такие как, например, забота о сохранении и выращивании подрастающего поколения. В человеческих сообществах она становится столь тщательной, как нигде в животном мире [Слотердаjk, Хайнрихс 2015, 364]. Можно утверждать, что именно дети были существенным фактором развития культуры и одновременно ее продуктом.

Процесс гоминизации протекал не в лесу или в чистом поле, а в сфере дома. Первоначально именно пещера была главным фактором самосохранения человека. Метафора дома позволяет представить место как способ стабилизации внутреннего и внешнего климата, комфортабельность которого обеспечивается техническими средствами. Дом представляет собой изолированное пространство, в котором жители, обеспечивая безопасность и оберегая тепло, организуют интерьер внутреннего пространства, ограничивая его сверху потолком, а с боков – стенами. Ограждаясь от хищников и непогоды стенами, древние люди стали первыми манипуляторами искусственной окружающей среды, в которой протекала эволюция человека. Основой антропогенеза служит феномен дома, который следует понимать не архитектурно, а климатически. Очаг и пещера образовали свободную от непосредственного биогеографического климата нишу или сферу, внутри которой стало возможным развитие «общих представлений», формируемых и контролируемых первобытными коллективами.

Для появления человека нужны еще и другие факторы, запускающие антропогенный процесс. Он возник с тех пор, как вещи стали изготавливать руками и началась история *homo technologicus*. «Выключение тела», осуществляющееся благодаря использованию орудий труда, выступает одним из главных факторов антропогенеза. Важным его этапом было освобождение руки. Лапа, взявшая камень, обрела хватательную и контактную зоны. Благодаря таким способом образовавшейся руке открылась свободная экологическая ниша. Именно каменный век, время изготовления твердых орудий, был решающей формационной фазой становления людей. Ф. Энгельс и М. Хайдеггер утверждали, что

обработка природы орудиями дала шанс человеку вступить в «просвет бытия».

Онтологическая особенность инструментов состоит в «респонзивности»: их режущая часть предназначена для обработки внешнего материала, а другая – рукоятка – приспособлена к руке. Это позволяет считать их не просто продуктом биологической эволюции, а именно способом открытия мира. Оберегая от негативных последствий прямого телесного контакта со средой, твердокаменные орудия обеспечивают относительно безопасные взаимодействия с объектами. Человек окружает себя искусственными вещами, которые образуют культурную среду обитания и обеспечивают эффективную защиту от нежелательных воздействий природы. Камень становится первым орудием производства средств производства. Палеонтологи называют этот период эпохой второго камня и считают труд решающим критерием различия человека и животного.

В целом культура и традиции выступают гарантией существования незавершенного животного, каким является человек, научившийся использовать свои руки для строительства жилища, а интеллектуальный потенциал – для создания культурного пространства. Его элементами являются прежде всего освоенная и преобразованная природная среда, а также совокупность архитектурно, технически и символически обустроенных ландшафтов, где в ответ на одни действия люди ожидают других. Случаются аномалии и отклонения. Не все из них опасны. Некоторые подхватываются другими, становятся «модными», и тем самым происходит изменение общественного порядка.

Мессианская антропология основывается на том факте, что человеческий детеныш появляется на свет недоношенным и долгое время нуждается в защите матери. Стало быть, не аутизм, а забота о подрастающих поколениях становится условием формирования человека. Духовность проявляется не в сексуальных фантазиях, а ласке и заботе о существе с чрезвычайно затянутым периодом детства. Даже если предположить, что маленький человек сначала чувствует себя беспомощным и беззащитным существом и агрессивно реагирует на любое давление внешней среды, стремится укрыться от него в своих фантазиях и сновидениях, то нормализация не обязательно требует насилия. Но какая-то разница в

системах воспитания, конечно, существует. Аскетические практики Кальвина и требования Лютера сначала были более жесткими, чем у католиков, которые торговали индульгенциями. Но и те, и другие постепенно сошлись на образе Чистилища. В православии идеалом был и остается «град божий», т.е. место, в котором человек и Бог живут по принципу «я – в Нем, а Он – во мне».

Онтологической особенностью *homo sapiens* является экстаичность, отношение человека к природе не как к «клетке», а как к открытой системе. Благодаря этому образуется «мир» и «Я» (самость), которые существуют самостоятельно и независимо. Теория эволюции пытается вывести происхождение человека по линии развития животного. Но это представляется бесперспективным. Место человека в мире определяется принципиально иначе, чем место животного в окружающей среде, а значит, «место» должно быть раскрыто не только в физических, но и в культурологических параметрах. Родившийся недоношенным эмбрионом, долгие годы нуждающимся в заботе и защите, человек, если и жил в пещере, то не как одинокий аутист, а как часть семейной общины, которая опиралась на коллективные представления и, налагая запреты на индивидуальные желания, воспитывала представителя рода. Стало быть, желания, под власть которых попадал человек, тоже были не индивидуальными, а общими. Все испытывают голод и вожделение, однако не всем удается их удовлетворить. Община не только нечто запрещает или предписывает, но и защищает. Вопрос заключается в том, что важнее для развития человечества – индивид или коллектив. Чувство голода, сексуальный интерес, власть, самосохранение – это индивидуальные инстинкты, которые не способствуют формированию социальных качеств. Какая-либо «благотворительность» противоречит биологическим законам. Тем не менее она является условием развития человека, который долгое время нуждается в защите со стороны окружающих. Конечно, и у других животных присутствует родительский инстинкт. В объемной работе «Сущность и формы симпатии» М. Шелер описал примеры самоотверженности животных, которые даже превосходят материнскую любовь. Отличие состоит в том, что у животных родительский инстинкт задан природой, а у людей он определяется культурой. И этот факт нужно расценивать не как

очередное противоречие природы и цивилизации, а наоборот, как доказательство их синергии. Биополитика и философская антропология сходны в том, что и сегодня в конкурентной борьбе побеждают такие общества, в которых в большей степени заботятся о воспитании и образовании подрастающих поколений.

Заключение

Подводя итог сравнительному анализу инверсионной и мессианской антропологии, можно сделать следующие выводы.

Эволюционизм опирается на допущение об изначальной разумности человека, благодаря которой запускается процесс цивилизации, ведущий к тому, о чем мечтали основатели мировых религий. Сегодня гегелевское допущение о совпадении разумного и действительного кажется пережитком в общем-то счастливой буржуазной эпохи, который уже не соответствует нашему времени. Возможно, это одна из причин религиозного ренессанса, выраженного в обращении к теологии. Даже представители инверсионной антропологии, которые опираются на язык науки и не ссылаются на Бога, на самом деле не свободны от влияния религии. В частности, помещение в начало антропогенеза существа, лишенного «чистого разума» и «общего чувства», предполагает поиски причин, инициирующих цивилизационный процесс. Ссылка на науку и технику – это ошибка логического круга. Сама вера в научно-технический прогресс имеет религиозные корни. Это означает, что существует неконгнитивный опыт, знание, о котором нельзя ничего сказать. Нельзя уверенно доказать существование Бога, и вместе с тем его нельзя отрицать, не приходя в экзистенциальное противоречие с самим собой.

Взаимодополнительность инверсионной и мессианской антропологии можно подтвердить примером взаимоотношений Отца и Сына в Троице. Их суть далека не столь проста, как может показаться на первый взгляд. Есть суровый Отец-Вседержитель, изображенный под куполом храма, и есть Сын Божий, посланный спасти людей. Если забыть о том, что Бог – это любовь, выражающаяся в земных отношениях в форме заботы о подрастающих поколениях, то антропология утратит защитную функцию и действительно исчезнет в поисках «по ту сторону человеческого».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гиренок 2010 – *Гиренок Ф.И.* Аутография языка и сознания. – М.: МГИУ, 2010.

Кон 2018 – *Кон Э.* Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

Ницше 1989 – *Ницше Ф.* Антихристианин // *Ницше Ф.* Сумерки богов: сборник / сост., общ. ред. и предисл. А.А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1989. С. 17–93.

Ницше 1996 – *Ницше Ф.* Антихрист // *Ницше Ф.* Сочинения: в 2 т. Т. 2 / сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1996. С. 472–524.

Ницше 2005 – *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. – М.: Культурная Революция, 2005.

Пропп 2021 – *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. – СПб.: Питер, 2021.

Ростова 2020 – *Ростова Н.Н.* Аджорнаменто антропологии: преодоление границы между природой и культурой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 731–750.

Саид 2016 – *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: Русский мир, 2016.

Саррацин 2012 – *Саррацин Т.* Германия. Самоликвидация / пер. с нем. Т.А. Набатниковой. – М.: Рид Групп, 2012.

Слотердайк, Хайнрихс 2015 – *Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю.* Солнце и смерть: Диалогические исследования. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015.

Трубецкой 1995 – *Трубецкой Е.Н.* Старый и новый национальный мессианизм. Избранное. – М.: Канон, 1995.

Хабермас 2002 – *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. – М.: Весь мир, 2002.

Юдин 2018 – *Юдин Б.Г.* Человек: выход за пределы. – М.: Прогресс-Традиция, 2018.

Lavazza, Reichlin 2019 – *Lavazza A., Reichlin M.* Introduction: Moral Enhancement // *Topoi*. 2019. Vol. 38. No. 1. P. 1–5.

REFERENCES

Girenok F.I. (2010) *Autography of Language and Consciousness*. Moscow: MSIU (in Russian).

Habermas J. (2002) *The Future of Human Nature*. Moscow: Ves' Mir (Russian translation).

Kohn E. (2018) *How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human*. Moscow: Ad Marginem Press (Russian translation).

Lavazza A. & Reichlin M. (2019) Introduction: Moral Enhancement. *Topoi*. Vol. 38, No. 1, pp. 1–5.

Nietzsche F. (1989) The Anti-Christian. In: Nietzsche F. *Twilight of the Gods: Collected Works* (pp. 17–93). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Nietzsche F. (1996) The Antichrist. In: Nietzsche F. *Collected Works* (Vol. 2, pp. 472–524). Moscow: Mysl' (in Russian).

Nietzsche F. (2005) *The Will to Power: An Attempted Transvaluation of All Values*. Moscow: Kulturnaya Revolyutsiya (Russian translation).

Propp V.Ya. (2021) *The Morphology of the Folktale*. Saint Petersburg: Piter (in Russian).

Rostova N.N. (2020) Aggiornamento of Anthropology: Overcoming the Boundary between Nature and Culture. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. Vol. 36, no. 4, pp. 731–750 (in Russian).

Said E. (2016) *Orientalism: Western Concepts of the Orient*. Saint Petersburg: Russkiy mir (Russian translation).

Sarrazin T. (2012) *Germany Abolishes Itself*. Moscow: Rid Grupp (Russian translation).

Sloterdijk P. & Heinrichs H.-J. (2015) *Sun and Death: A Dialogical Study*. Saint Petersburg: Ivan Limbach Publishing House (Russian translation).

Trubetskoy E.N. (1995) *Old and New National Messianism: Selected Works*. Moscow: Kanon (in Russian).

Yudin B.G. (2018) *Human: Beyond the Limits*. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).